

ТАМГИ НА ПЛИТАХ ОГРАД ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ ПОД ГОРОЙ ТЕПСЕЙ

О. С. Советова, О. О. Шишкина

TAMGAS ON THE PLATES OF TAGAR KURGAN FENCES UNDER TEPSEY MOUNTAIN

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена анализу тамг на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей. Тамги использовали многие народы Минусинской котловины, Алтая, Казахстана и др. в качестве родовых знаков. Изображения тамг встречаются на различных бытовых предметах и имуществе (в том числе и животные), на скальных выходах и на курганных камнях. Самое первое появление тамгообразных знаков на Тепсее связано еще с таштыкской культурой (изображения на деревянных плакетках и астрагалах). Видимо, позже традиция изображения тамг перешла к кыргызам, а затем и к хакасам. В целом на курганных камнях обнаружено шесть видов тамг, аналогии которым найдены не только среди петроглифов Минусинской котловины, но и других территорий (Алтай, Казахстан и пр.). Анализ тамг и тамгообразных знаков на плитах оград тагарских курганов может открыть для исследователей новые сведения о жизни местного населения, а также о предназначении тамг.

Tepsey archaeological complex provides different information about the people who lived in Minusinsk Basin. The paper analyzes the tamga-petroglyphs on the rocks of Tagar mounds (kurgans) under Tepsey mountain. Some different peoples depicted tamgas in Minusinsk Basin, Altay, Kazakhstan etc. Ancient tamga images were created on rocks and kurgans. The first tamgas in Tepsey (on plaques and astragalus) are dated by known in the Tashtyk culture. The tradition of painting the tamgas may have been continued by the Kyrgyzs and then passed to the Khakass people. 6 types of tamgas are found on the rocks of Tagar mounds, whose analogs were known not only within the petroglyphs of Minusinsk Basin, but in other territories (Altay, Kazakhstan etc.). Analysis of tamgas gives us new information about the people who lived in this territory.

Ключевые слова: Тепсейский археологический комплекс, петроглифы на курганных камнях, тамги и тамгообразные знаки.

Keywords: Tepsey archaeological complex, petroglyphs on rocks mounds (kurgans), tamgas.

Исследование петроглифов на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края) дает возможность получить новые сведения об изобразительных традициях нескольких хронологических эпох, поскольку уже сегодня можно говорить о существовании здесь выбитых, гравированных или выполненных в смешанной технике рисунков по меньшей мере от эпохи бронзы (переиспользованные плиты) до этнографической современности [22, с. 94 – 97]. Отдельного внимания заслуживает анализ тамг и тамгообразных знаков, представленных на камнях как в сочетании с другими изображениями, так и самостоятельно. Слово «тамга» означает родовой фамильный знак. Как правило, потомок определенного рода заимствовал тамгу своего предка и добавлял к ней дополнительный элемент либо видоизменял ее. Сами по себе тамги имеют ряд разнообразных функций: ими метили домашних животных и в целом имущество, обозначали границы землевладений, покосов, охотничьих и пастбищных угодий и т. д. [7, с. 4], для каждого района, как правило, характерны свои «родственные» знаки. Удостоверительные (родоплеменные) знаки известны по вещественным и изобразительным источникам. А. Е. Рогожинский, изучавший средневековые тамги-петроглифы Казахстана, отмечал их преимущества: они аутентичны, многочисленны, географически широко распространены, разнообразны, сопряжены в контексте с иными памятниками археологии и эпиграфики, потенциально являются наиболее информативным ресурсом по ряду проблем средневековой истории тюркских народов [14, с. 81]. Известна и сакральная функция тамг: местные народы часто приходили к скалам во время священных праздников, там же совершали жертвопри-

ношения и оставляли на скалах свои метки – тамги [7, с. 67]. С. А. Яценко отмечал, что у ряда тюркских этносов до недавних пор сохранялись представления о том, что личная (семейная) тамга человека тесно связана с его жизненными силами и может являться каналом для общения с духами. Так, хакасские шаманы верили, что их божественный покровитель (Адам-хан) приказывал выбить тамги каждого начинающего шамана на стволе стоящего у его жилища 9-гранного железного дерева (при жизни шамана знаки светились, а после смерти делались неразличимыми) и, в свою очередь, магически ставил собственную тамгу на его запястье, плечо или ухо. По таким знакам в дальнейшем ориентировались духи-покровители шамана [28, с. 69]. Таким образом, эти знаки полифункциональны: они могли быть и родоплеменными тамгами, и магическими символами, и знаками сакрального значения, и др.

Интерес к подобного рода изображениям Минусинской котловины уходит к началу XVIII в., когда Д. Г. Мессершмидт в 1722 г. обнаружил первую писаницу с изображениями тамг [7, с. 8]. Но долгое время в литературе были лишь заметки о тамгах, высказывались наблюдения, сделанные попутно, проскальзывала отрывочная информация либо публиковались отдельные прорисовки разнообразных знаков [29, Abb. 112, 114, 116, 118, 119, 125 и др.]. Пожалуй, первым о тамгообразных знаках на горе Тепсей написал Г. И. Спасский, сообщавший о тамгах, выбитых вокруг антропоморфной фигуры [21, с. 148]. А уже И. Т. Савенков в своих исследованиях отметил, что тамги являются одним из основных сюжетов, изображенных на скалах [15]. А. В. Андрианов писал, что «до сих пор местные хакасы выбивают изображения на скалах» (помимо прочих ри-

сунков, и тамги) [1]. Тем не менее работы о знаках и тамгах на памятниках наскального искусства Хакасии и юга Красноярского края носят эпизодический характер и пока не попали в орбиту устойчивого исследовательского интереса. Первое исследование, в котором были опубликованы хакасские тамги, выбитые на скалах, вышло в 1980 г. [7], и в 2003 г. появилось еще одна работа, в которой имеются сведения о знаках и тамгах на камнях тагарских курганов Шарыповского района [20]. О том, что тамги, нанесенные на скалы, являются великолепным историческим источником, свидетельствуют качественные масштабные исследования, которые проводятся на памятниках наскального искусства Казахстана [13; 14; 19; 31].

В литературе отмечается использование тамг как общественного явления, имеющего ряд ступеней развития и становления [31, р. 311 – 329]. Уже в бронзовом веке (II тыс. до н. э.) существовала сложная система представлений о знаках, использовавшихся как в маркировке различного рода недвижимых и мобильных объектов, так и в мифо-ритуальных комплексах календарного цикла. Традиция использования различных типов тамг, знаков и символов существовала и на протяжении всего I тыс. до н. э. Первоначально, возможно, преобладали типы тамг в виде копыт животных, солярных символов, затем постепенно происходил процесс стилизации, когда некоторые их формы превращались в абстрактные символы. Картина изменилась в эпоху средневековья, в условиях существования тюркских государств (I тыс. н. э.): тамги и знаки древних тюрков приобрели предметно-образные черты (астральные – солнце, луна и т. д.; скотоводческого характера – рога, копыто, ступни, удила, седло и т. п.; предметные – предметы вооружения, домашнего обихода и т. п. [19, с. 293 – 294]. Нельзя исключать и того факта, что древнетюркские знаки и тамги также различаются, начиная от семейно-клановых, родоплеменных, и кончая эмблемами правящего каганского рода или этнополитических объединений [19, с. 295]. Таким образом, анализируя тамги конкретного микрорайона (в данном случае Тепсейского), следует принимать во внимание сделанные наблюдения.

На Тепсее тамги встречаются на скальных выходах, на плитах оград тагарских курганов непосредственно под горой, а также на некотором удалении от нее в Малиновом логу. Нередко и на скалах, и на камнях нанесены идентичные знаки. К сожалению, о численности последних мы пока не имеем полной картины в силу объективных и субъективных причин: если в настоящее время нам известны практически все тамги из пункта Тепсей II (Волчий лог), то часть рисунков, имевшихся в пункте Тепсей I, о которых имелись указания в отчетах и публикациях авторов предшествующих лет, в настоящее время затоплены, или высокий уровень воды делает доступ к ним невозможным. При исследовании этого объекта еще в 1990-е гг. был сделан вывод, что более 11 % от всех петроглифов на Тепсее I представляют именно тамги (хотя какие именно – неизвестно, поскольку эти изображения оказались неопубликованными; неясна и их численность) [30, XXVIII, fig. 3]. Еще не полностью документированы рисунки Тепсейского склона, обращенного к Енисею, а там, по нашим сведениям, имеется большое количество тамгообразных знаков; требуют тщательного дообследования и рисунки Усть-Тубинской стороны [30, рл. 46 – 72].

В настоящее время на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей выявлено сорок камней с петроглифами, на девяти из которых обнаружены изображения тамгообразных знаков: это так называемые «очкообразные» и «восьмеркообразные» знаки; окружности, разделенные вертикальной линией пополам; окружности, разделенные линией пополам с ответвлением вправо или влево (рис. 1 – 4). Все они выполнены в технике выбивки, нередко выбивка очень рассеянная, поверхностная, в других случаях – крупная и относительно плотная. Порой тамги перекрывают наиболее ранние изображения, в том числе и гравированные. В пяти случаях на камнях помимо тамг на поверхности камня нанесены и другие изображения.

Вероятно, самые ранние изображения тамгообразных знаков на Тепсее относятся ко времени существования таштыкской эпохи. В качестве примера можно привести изображения знаков на крупах коней с деревянных плакеток, извлеченных при раскопках из таштыкского склепа Тепсей III [4, с. 97 – 104]. По мнению Д. Г. Савинова, это было изображение знака собственности – тавра [16, с. 43]. Обычай использования тамг при клеймении лошадей общеизвестен [25, с. 12]. Существуют также и письменные китайские свидетельства о клеймах-тамгах лошадей у усуней (тюрков, кыргызов) [23, с. 58]. К сожалению, среди тепсейских наскальных рисунков нами не выявлены подобные изображения, но на ближайших местонахождениях таковые имеются. Это местонахождения Суханиха, Подкамень, Ошколь, Тус и др. [12, рис. I – 5, 7-9]. Известны изображения коней с тамгами на крупах на соседних Оглахтах (хотя, вероятно, эти изображения более поздние) [7, табл. 33-34]. Помимо изображений на плакетках, среди Тепсейских материалов таштыкской эпохи тамги встречены на астрагалах косули с просверленными отверстиями. М. П. Грязнов высказал предположение, что они могли являться символической частью принесенного в жертву животного при устройстве похоронной тризны, которые позже клали в склеп умершему [4, с. 143]. Э. Б. Вадецкая относит их к ритуальным предметам [3, с. 78]. На тепсейских астрагалах изображались перекрещенные круги, ромбы, схематические изображения птиц и пр. По мнению Д. Г. Савинова, позже традиция изображения тамг перешла к кыргызам, а затем и к хакасам, что, в свою очередь, доказывает установленную непосредственную преемственность между таштыкской культурой и культурой енисейских кыргызов, выразившуюся как в общем обряде трупосожжения, конструктивных деталях погребальных сооружений, так и в наборе целого ряда предметов сопроводительного инвентаря (керамики, украшений, вооружения и т. д.) [16, с. 41].

Одним из распространенных в наскальном искусстве является так называемый «очкообразный» знак. На Тепсее такой знак обнаружен на одном из камней ограды тесинского склепа Тепсей XVI в его верхней части (рис. 1). В настоящее время этот камень раскололся надвое, одна из более массивных частей осталась в вертикальном положении (именно на ней находится это изображение), другая упала. Изображения имеются на обоих камнях. В нижней части камня имеется фигура перевернутого животного. Техника выбивки животного и знака различны: животное выполнено крупными ударами, а знак – мелкой частой выбивкой. Подобные изображения нередко выбивались на курганных камнях:

они обнаружены на Малом озере VIII [20, табл. XXI], на памятнике Есино X [18, рис. 2] и др.

Отметим, что не все исследователи относят подобные знаки к тамгам. Так, Д. Г. Савинов называет их «колесами от повозки» [18, с. 114] и относит к тагарской культуре. «Очкообразные» знаки были широко распространены не только на территории Минусинской котловины, но и на других территориях. Например, на Алтае такие тамги были популярны среди тюркского населения и получили условное название «удила» (сулук) [25, с. 4].

В пункте Тепсей VIII обнаружен камень, на одной стороне которого нанесено множество знаков и изображений, относящихся к этнографическому времени (рис. 2). Здесь нами выявлено несколько видов тамг: круг, разделенный пополам; круг с ответвлением и «восьмеркообразный знак»; а также зооморфные изображения (кони?) и дерево (?).

Выбивка перекрывает бессистемные гравированные линии. Из ближайших аналогий зафиксированным изображениям можно отметить изображение дерева на горе Георгиевской, датированное XV – XVIII веками [9, рис. 6]; подобные изображения коней во множестве встречаются как среди петроглифов Тепсея, так и на соседних памятниках. Тамги в виде круга, разделенного пополам, обнаружены на одном из угловых камней в пункте Тепсей VIII, три зафиксированы на горе Тепсей V

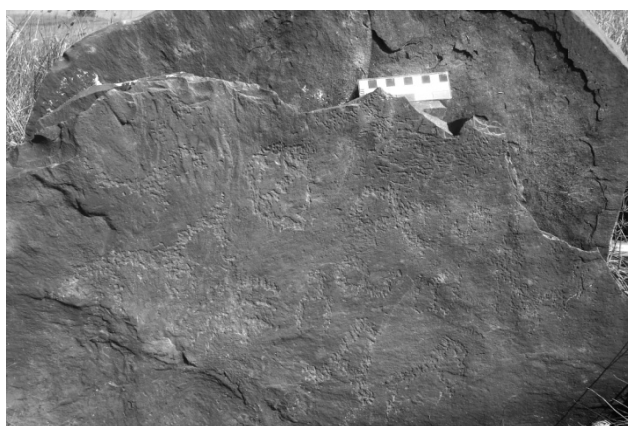

Рис. 2. Камень с изображениями этнографического времени (фото и прорисовка). Пункт Тепсей VIII

По мнению Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, такие тамги относятся к хакасским, а именно к качинским, и сопоставимы с бертинскими тамгами. Подобные знаки встречаются на таких памятниках, как Малые Арбаты, Сосниха [11, рис. 19], у деревни Комаркова [7, табл. 3, I, V] и др. Также аналогичные тамги имеются на территории Казахстана, они интерпретированы как тамги Среднего Жуза [13, рис. 1]. Удивительно широка территория и время их распространения: аналогичные тамги встречаются среди знаков ахеменидского Ирана [27, рис. 32.8], тамг кабардинских [26, № 665] и средневековых аланов [27, рис. 36.30]. «Восьмеркообразный» знак также относят к качинским [7, с. 22]. Подобные знаки иногда встречаются среди родовых тамг алтайских тюрков, у которых получили название «сегис» [25, с. 4]. Встречаются они и на памятниках наскального искусства [24, рис. 1].

Не менее распространено на Тепсейских камнях изображение окружности, разделенной линией пополам, с отходящими вправо или влево «отростками»

Волчьем логоу (Тепсей II) и пять на скалах Усть-Тубинской стороны (Усть-Туба III, IV) [30, pl. 50, 51, 53, 54, 67].

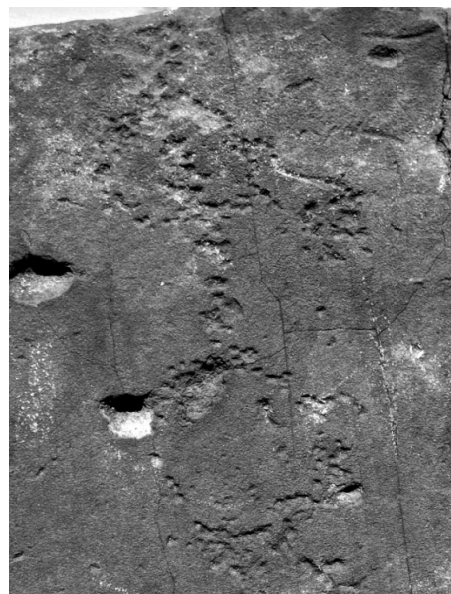

Рис. 1. «Очкообразный» знак на камне ограды склепа в пункте Тепсей XVI

(рис. 3). Такой знак здесь встречен четырежды. Несколько аналогичных знаков зафиксировано на скалах Усть-Тубинской стороны (Усть-Туба III) [30, pl. 50 – 51]. Можно предположить, что этот знак является усложнением родовой тамги, первоначально представлявшей окружность, разделенную пополам, так как в данном случае соблюдены основные принципы образования новых форм тамгообразных знаков. Известно, что, как правило, у одного из сыновей (старшего) видоизменение тамги происходило с помощью одной микродетали (чаще в верхней части знака) [28, с. 68], что могло иметь место и в рассматриваемом случае. Такие тамги встречаются на памятниках Малые Арбаты [7, с. 91], Эдегей I [8, рис. 5], в Казахстане [14, с. 546, рис. 1] и др. местах. Анализируя подобные казахские тамги, А. Е. Рогожинский отмечает, что они встречаются довольно редко [14, рис. 1]. У алтайских тюрков подобный знак назывался «серьга» и тоже встречается нечасто. Исследователи относят принадлежность такого знака к крупнейшему роду тодош

[25, с. 7]. Любопытно, что подобные тамги встречаются и среди знаков ахеменидского Ирана [27, табл. 32. № 82], кабардинских [26, табл. 1, № 271, 716, 944, 979] и Бжедугских знаков [26, табл. 4, № 54].

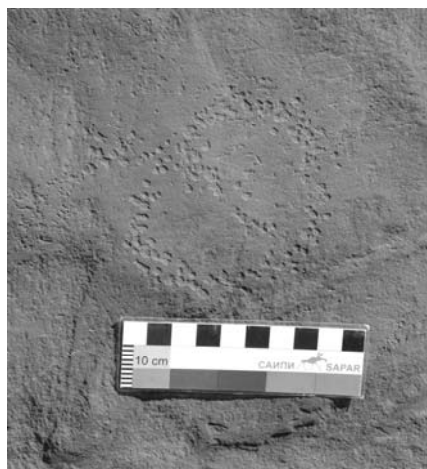

Рис. 3. Тамга в виде окружности, разделенной пополам, с «отростком». Пункт Тепсей VII

Аналогии находятся и среди рунической письменности Енисея – изначально подобный знак выступал в качестве одного из рунических знаков при письме [8, табл. XXV].

На одном из угловых камней восьмикаменного тагарского кургана в пункте Тепсей IX на одной из сторон обнаружен знак, напоминающий букву Y (рис. 4). Отметим, что на другие грани этого камня нанесены рисунки более ранней эпохи (тагарской). Аналогичные знаки известны на Тепсее II и Усть-Тубе III [30, рл. 48]. Подобные тамги у алтайских тюрок получили название «бараний рог», они были распространены среди тюрко-монгольских народов, хотя часто встречаются и в скифском искусстве [25, с. 8].

Главный вопрос вызывает датирование тамгообразных знаков, выбитых на плитах оград тагарских курганов, и он по сути дела остается открытым. Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев относят некоторые из тамг, нанесенных на скальные выходы горы Тепсей, к IX – X вв. [7, с. 65]. В то же время прослеживается однотипная техника выбивки тамгообразных знаков и некоторых рунических надписей, которые датированы VIII – IX вв. [6, с. 324]. Известно, что время функционирования кладбища под горой Тепсей завершается в XI – XII вв. [5, с. 159], но это не означает, что люди не могли приходить сюда и позднее, оставляя на камнях и скалах свои знаки пребывания, в том числе и тамги.

Литература

1. Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1904. Архив музея археологии и этнографии ТГУ, ед. хр. 55.
2. Бызылхан Н. Некоторые историко-источниковедческие проблемы, связанные с традиционной системой тамгопользования казахов // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов научно-практич. семинара. Алматы, 2012. С. 91 – 105.
3. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири: монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
4. Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
5. Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников под горой Тепсей. Новосибирск: Наука, 1979.

Рис. 4. Знак, напоминающий букву Y. Пункт Тепсей IX

Таким образом, пока на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей обнаружено несколько видов тамг, аналогии которым найдены среди разновременных и разнотнических материалов. Такая большая география скорее обуславливается тем, что одинаковые знаки могли использоваться совершенно разными народами в разные исторические эпохи. Некоторые тамги, скорее всего, принадлежат хакасам, широкое распространение других пока оставляет вопрос их датировки без ответа. Разнообразные рисунки этнографического времени свидетельствуют о том, что даже спустя сотни лет данное место являлось притягательным для местного населения [17, с. 22], поэтому они и оставляли здесь следы своего присутствия, помечая в том числе и курганные камни родовыми знаками – тамгами. Археологам известно, что у подножия горы, там, где находились курганы, они совершали жертвоприношения [4, с. 134 – 142], при этом могли сопровождать свои действия выбивкой тамг. (Не исключено также, что тамги на курганные камни наносились для опознания границ земель, занимаемых тем или иным лицом под пашни или пастбища [7, с. 68]). Ясно одно: дошедшие до нас тамги, нанесенные на курганные камни, как и на скальные поверхности, повышают их сакральность и демонстрируют особый семиотический статус.

Дальнейшее документирование, классификация, систематизация и анализ тамг, позволят решать многие вопросы этносоциокультурных процессов и взаимоотношений с соседями, которые происходили на обширных территориях евразийских степей от Карпат до Ордоса не только на протяжении эпохи средневековья, но и других эпох.

6. Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
7. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
8. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. литература, 1994. 327 с.
9. Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. X.
10. Миклашевич Е. А. Изображения на курганных плитах и стенах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 214 – 232.
11. Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Суханиха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. X. С. 72 – 111.
12. Панкова С. В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей // Тропой тысячелетий. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 106 – 114.
13. Рогожинский А. Е. Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, южного и восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию открытия Томской писаницы): мат. Международной науч. конференции. Т. 2. Кемерово, 2011. С. 217 – 225.
14. Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014.
15. Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОРГО. Т. 17. № 3 – 4. Иркутск, 1886. С. 26 – 105.
16. Савинов Д. Г. Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
17. Савинов Д. Г. Проект программы «Тепсейский петроглифический микрорайон» (сохранение, консервация и использование) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011.
18. Савинов Д. Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. Вып. 1. С. 112 – 120.
19. Самашев З. Древнетюркская графика. Астана: Prosper Print, 2013. 316 с.
20. Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб., 2003. 122 с.
21. Спасский Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки императорского русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857. 189 с.
22. Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. 3(59). Т. 3. С. 93 – 98.
23. Табалдиев К. Ш. Изучение эпиграфики и знаков-тамг // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов научно-практич. семинара. Алматы, 2012.
24. Черемисин Д. В. Петроглифы и тамги-знаки современных народов Горного Алтая // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов научно-практич. семинара. Алматы, 2012. С. 114 – 117.
25. Ямаева Е. Е. Родовые тамги алтайских тюрков (XIX – XX вв.). Горно-Алтайск, 2004. 56 с.
26. Яхтанигов Х. Х. Северокавказские тамги. Нальчик: Лейтер-ибн-Марат, 1993. 202 с.
27. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Вост. литература, 2001. 190 с.
28. Яценко С. А. О некоторых проблемах изучения знаков-тамг Центральной Азии // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов научно-практич. семинара. Алматы, 2012.
29. Appelgren-Kivalo N. Alt-Altische Kunstdenkmale (Briefe und Bildmaterialen von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889). Helsingfors, 1931.
30. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Sibirie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). P.: De Boccard, 1995. 153 p. (Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centale; Fasc. 2).
31. Samashev Z., Bazykhan N. Ancient Turks Tamga-Sings // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey-London; Dover, 2010. P. 311 – 329.

Информация об авторах:

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasonetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Шишкина Ольга Олеговна – студентка 3 курса факультета истории и международных отношений КемГУ, haruki.yoko@yandex.ru.

Olga O. Shishkina – student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **О. С. Советова**).

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.